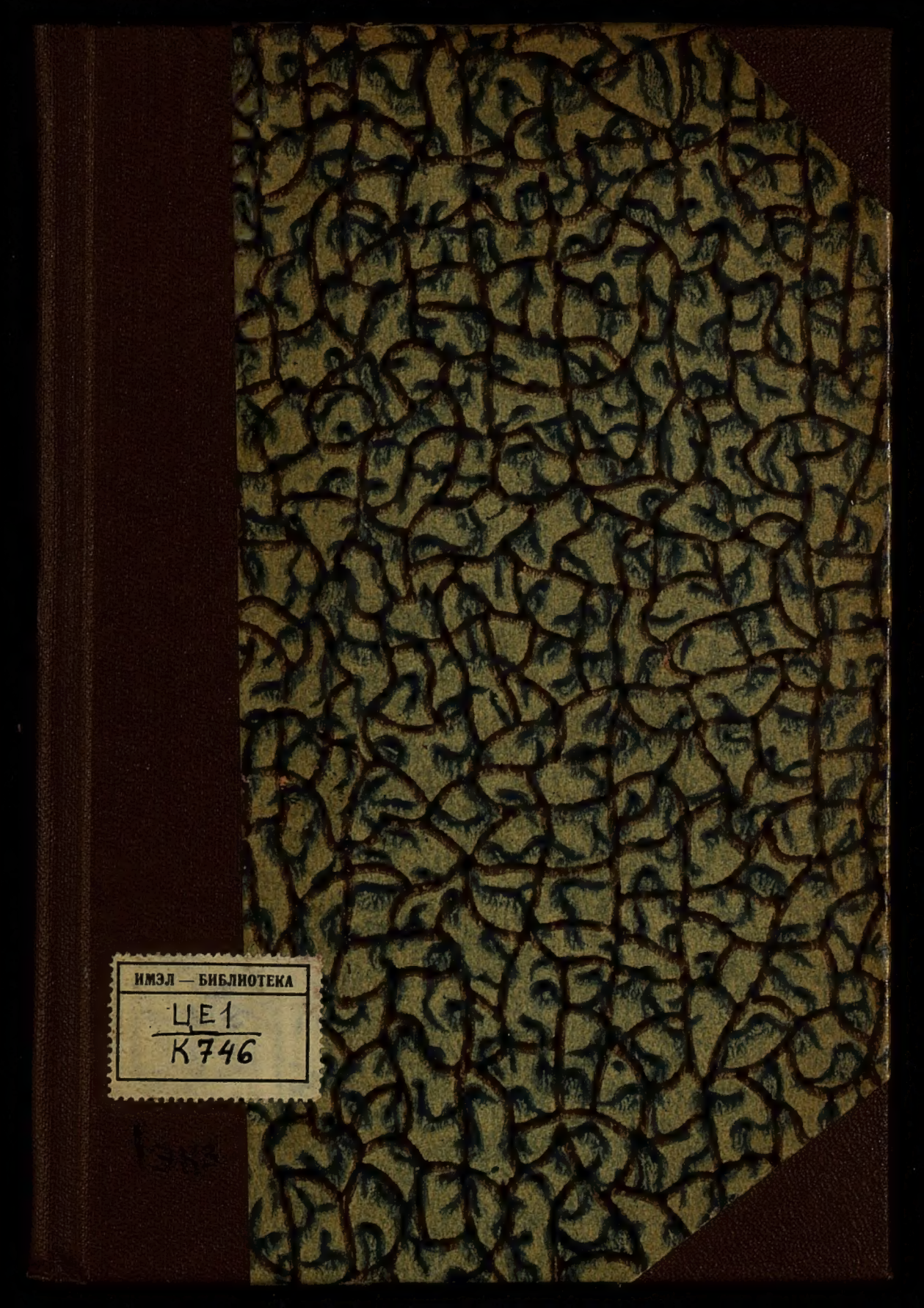


ИМЭЛ — БИБЛИОТЕКА
Ц Е 1
К 746

Ц Е1
К 746

М. КОРНЪ.

БОРЬБА
съ
Капиталомъ и Властью

НАШИ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ.

Изданіе Листковъ „ ХЛѢБЪ и ВОЛЯ “.

ЛОНДОНЪ
1912.

Бор.

М. КОРНЪ.

БОРЬБА СЪ КАПИТАЛОМЪ И ВЛАСТЬЮ.

Наши спорные вопросы.

Вмгру.
2/july-19
London

Изданіе
листковъ „Хлѣбъ и воля“
№ 7.

ЛОНДОНЪ 1912

1 20 ф.
В8

К.

ЦЕІ
К746

Библиотека ИМЭЛ
4-3113у

2011
У83

Анархическій коммунизмъ есть синтезъ двухъ цѣлей, преслѣдовавшихся человѣчествомъ во всѣ времена—свободы экономической и свободы политической.

П Кропоткинъ.
(Хлѣбъ и Воля).

Однимъ изъ самыхъ больныхъ вопросовъ русскаго революціоннаго движенія издавна было отношеніе между борьбою за политическое освобожденіе и борьбою за соціализмъ. Историческія условія сложились въ Россіи такъ, что соціалистамъ пришлось взять на себя двойную задачу—задачу, которая въ передовыхъ странахъ Западной Европы рѣшалась въ двѣ различныя эпохи и подъ вліяніемъ различныхъ идейныхъ теченій. Борьба съ самодержавнымъ политическимъ строемъ, въ виду полнаго отсутствія у насъ борющихся либеральныхъ или республиканскихъ партій, легла всею своею тяжестью на соціалистовъ, наряду съ ихъ собственною борьбою во имя экономическаго освобожденія.

Первые дѣйствующіе соціалисты — народники-пропагандисты 70-хъ годовъ — еще не видѣли всей трудности этого положенія и не смущались имъ. Для нихъ дѣло было просто: они работали надъ близкимъ, казалось тогда, народнымъ возстаніемъ, которое должно было порѣшить со всѣмъ существующимъ строемъ въ его цѣломъ, съ экономическимъ гнетомъ и государственнымъ порабощеніемъ; для нихъ не могло быть, поэтому, и рѣчи о какой бы то ни было отдѣльной политической борьбѣ. Народники — какъ и соціалисты 60-хъ годовъ, какъ и западно-европейскіе соціалисты соотвѣтственной эпохи — не раздѣляли момента политическаго отъ момента соціальнаго, и въ этомъ, а вовсе не въ исключительномъ „экономизмѣ“ и индифферентномъ отношеніи къ политикѣ (какъ у насъ думаютъ многіе) лежитъ отличительная черта этого направленія.

„Экономизмомъ“ страдали позднѣйшіе соціальдемократы; имъ страдаютъ ихъ идейные наслѣдники (хотя и впавшіе въ ересь)—махаевцы; что же касается народниковъ, то стоитъ просмотрѣть любую изъ ихъ брошюръ, чтобы увидать, что политическій вопросъ ими далеко не замалчивается: онъ только не выдѣляется изъ общаго вопроса объ освобожденіи народа. Ихъ взгляды свободны отъ тѣхъ компромиссовъ, отъ которыхъ въ наше время потускнѣла соціалистическая идея; нѣтъ здѣсь ни соціалистическаго государства, ни захвата власти: все должно быть совершено прямымъ дѣйствіемъ народа, „снизу вверхъ“, а формою общественной организаціи будущаго явится „союзъ независимыхъ производительныхъ общинъ“ *). Здѣсь нѣтъ ни парламентаризма, ни программъ-минимумъ,, однимъ словомъ—никакой формы примиренія съ врагомъ.

Практическая дѣятельность народниковъ очень скоро поставила ихъ лицомъ къ лицу съ правительственною властью, отвѣтившею на ихъ пропаганду жестокими преслѣдованіями. Оказалось, что съ этимъ врагомъ нужно бороться сейчасъ же, непосредственно, раньше чѣмъ какое бы то ни было народное возстаніе успѣетъ вспыхнуть. Необходимость этой борьбы, а также потребность сплотиться въ болѣе тѣсную организацію привела, какъ извѣстно, къ образованію общества «Земля и Воля». Его принципіальныя основанія были тѣ же, что въ первыхъ пропагандистскихъ кружкахъ: какъ и народники, землевольцы ставили своею задачею подготовленіе народнаго возстанія съ цѣлью соціалистическаго переворота; но , рядомъ съ этимъ, они ввели въ свою дѣятельность новый, боевой элементъ. Въ программѣ „Земли и Воли“ мы находимъ „терроризацію правительственныхъ чиновниковъ, кулаковъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ и т. п.“ „въ мѣстностяхъ, гдѣ народное недовольство принимаетъ особенно острый характеръ“, а также и терроръ

*) Изъ рѣчи Мышкина на процессѣ 193-хъ. Но выраженіе того же самаго взгляда можно найти во всѣхъ произведеніяхъ народниковъ.

политическій, какъ средство борьбы противъ русскаго государства, которое, говорится въ программѣ, является „самымъ беззастѣнчивымъ и самымъ грубымъ выразителемъ“ стремленія всякой формы государственной организаціи поддерживать интересы эксплуатирующаго меньшинства. Въ виду этого, рядомъ съ пропагандистскими группами, „Земля и Воля“ создавала особую группу, т. наз. „дезорганизаторскую“, въ задачи которой входило освобожденіе изъ подъ ареста товарищей, защита отъ правительственнаго произвола и самозащита противъ предателей. Но и агитація и боевыя выступленія „Земли и Воли“ (Казанская демонстрація, убійство Мезенцева, рядъ вооруженныхъ сопротивленій и т. д.) были исключительно средствомъ самозащиты и дезорганизаціи правительства, но не средствомъ совершенія политическаго переворота. Это понятіе явилось только впослѣдствіи. Конечно, очень многое въ программѣ „Земли и Воли“ спорно и неприложимо — особенно теперь — но основная мысль этой программы: народное возстаніе, какъ цѣль, а попутно, по мѣрѣ требованій движенія, вооруженная борьба съ политическими и соціальными угнетателями,— остается вполнѣ вѣрною и цѣнною для насъ до сихъ поръ. Борьба соціалистическая и борьба политическая здѣсь сливаются.

Распаденіе на „Народную Волю“ и „Черный передѣлъ“ нарушило это единство и раскололо соціально-революціонную программу на двѣ половины. „Народная Воля“ повела свою извѣстную геройскую борьбу; но въ этой борьбѣ она поставила себѣ цѣлью захватъ власти и проведеніе соціализма сверху внизъ, а позднѣе—терроризированіе правительства съ цѣлью выпудить его на конституціонные уступки. „Черный передѣлъ“ намѣревался сохранить въ чистотѣ соціалистическую идею; но, отрицая вооруженную борьбу, онъ мало по малу сошелъ на степень своего рода экономическаго реформаторства. Отъ него отлетѣлъ революціонный духъ, и онъ остался безсильнымъ.

Съ тѣхъ поръ цѣлостная и одновременная постановка

вопросовъ экономическаго и политическаго уже не возвращалась къ нашимъ партіямъ. Соціальдемократія, зародившаяся и пріобрѣвшая вліяніе въ моментъ реакціи, когда единственная революціонная партія — „Народная Воля“ — была разбита, не только не упрочила русское движеніе на соціалистической почвѣ, но сдѣлала все, чтобы поставить передъ нимъ, какъ непосредственную цѣль, одинъ только политическій переворотъ. Фаталистическое представленіе о неизбѣжныхъ фазисахъ развитія, выведенное даже не изъ настоящаго, а изъ какого то упрощеннаго псевдо-марксизма, естественно привело къ тому, что воцареніе буржуазіи съ ея политическою формою—парламентскимъ строемъ — стало казаться единственнымъ предвидимымъ будущимъ. И мало по малу дѣло дошло до того, что во время революціи въ Россіи наши соціальдемократы стали объявлять «сознательнымъ или безсознательнымъ провокаторомъ» всякаго, кто осмѣлится заглянуть дальше простого конституціонализма.

Понятіе о раздѣленіи дѣятельности соціалистовъ на два періода: сначала завоеваніе политической свободы, затѣмъ (уже въ рамкахъ конституціоннаго государства и при посредствѣ его органовъ) борьба за соціализмъ— понятіе чисто соціальдемократическаго происхожденія, родившееся вмѣстѣ съ первою программою-минимумъ. Но оно проникло далеко за предѣлы соціальдемократіи: оно вошло, напримѣръ, неотъемлемымъ элементомъ въ программу нашихъ соціалистовъ-революціонеровъ, по своимъ теоретическимъ предпосылкамъ, казалось бы, совершенно не склоннымъ къ такого рода поссибилизму*). Оно проникло даже къ максималистамъ, съ ихъ «трудовою республикою». Конституціонализмъ окончательно свилъ себѣ прочное гнѣздо въ программахъ нашихъ партій; не удивительно, поэтому, что, поскольку этимъ партіямъ удавалось руководить русскимъ движеніемъ, оно вдохновлялось исключительно политическими лозунгами.

*) Поссибилистами («возможниками») называлась во Франціи партія самыхъ умѣренныхъ соціальдемократовъ, для которыхъ даже Гедъ (Guesde) считался крайнимъ.

Единственное же идейное теченіе, которое должно было остаться и осталось внѣ этого всеобщаго конституціонализма —теченіе анархическое—было до сихъ поръ еще слишкомъ слабо въ Россіи.

I

Та идейная послѣдовательность, которая съ самаго момента зарожденія анархическаго движенія — съ эпохи Интернаціонала и дѣятельности Бакунина заставляетъ анархистовъ всѣми силами противиться раздѣленію во времени политическаго и экономическаго освобожденія, создаетъ для нихъ въ Россіи очень трудную принципіальную и практическую задачу: выработать свое отношеніе къ происходящей борьбѣ съ точки зрѣнія совершенно обратной той, на которой стоятъ наши руководящія соціалистическія партіи. Насколько трудна эта задача, и какимъ больнымъ мѣстомъ она является для нашего движенія, — это знаютъ всѣ товарищи, дѣйствовавшіе въ Россіи въ революціонное время. Отношеніе къ политическимъ лозунгамъ и манифестаціямъ, терроръ экономическій и терроръ политическій, «центральный», или «разлитой»,—какъ вопросы практическіе; отношеніе къ завоеванію демократическаго строя, какъ вопросъ теоретическій —все это служило и до сихъ поръ служитъ предметомъ горячихъ споровъ между анархистами и представителями другихъ партій, а также и въ самой анархической средѣ. Вотъ эти-то вопросы мы и хотимъ по возможности освѣтить здѣсь. Обстоятельно разработать и обсудить ихъ всѣ—задача слишкомъ широкая для небольшой брошюры, да, пожалуй, и неисполнимая: практическіе вопросы рѣшаются на мѣстахъ, въ зависимости отъ момента, и всякая распланировка заранѣе и издали всегда выходитъ неудачною. Рѣшить разъ навсегда всѣ практическіе вопросы, какіе только могутъ представиться, нельзя, — но что

возможно и что обязательно, это—выработать такія общія начала, которыя бы всякій разъ безошибочно подсказывали частное рѣшеніе. Рѣчь здѣсь будетъ именно только о такихъ общихъ началахъ.

Въ практикѣ русскаго движенія непосредственное революціонное чутье всегда подсказывало нашимъ товарищамъ вѣрное жизненное рѣшеніе: идти и участвовать въ борьбѣ, разъ происходитъ борьба. Но этого жизненнаго рѣшенія недостаточно: важно, съ какими цѣлями и надеждами идетъ человѣкъ въ борьбу. А здѣсь мы врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что, въ общемъ, психологія борцовъ за анархическія идеи въ Россіи была проникнута пессимизмомъ: на нихъ сильно отразилось общее убѣжденіе въ недостижимости для Россіи въ ближайшемъ будущемъ какого бы то ни было переворота соціалистическаго характера. Въ ихъ душѣ жило раздвоеніе: имъ казалось, что они приносятъ свою жизнь въ жертву чужому идеалу, работаютъ для будущаго, которое для нихъ самихъ не имѣетъ никакого обаянія — для воцаренія у насъ «правового порядка».

Можно разно смотрѣть на отсутствіе вѣры въ успѣхъ того движенія, въ которомъ принимаешь участіе. Существуетъ даже мнѣніе (съ нимъ случается встрѣчаться и среди нашихъ товарищей), что отсутствіе всякихъ иллюзій на этотъ счетъ—даже полезно, что въ этомъ—своего рода трезвый реализмъ, предохраняющій отъ возможности разочарованія и упадка духа въ случаѣ неуспѣха. И отсутствіе у анархистовъ въ Россіи вѣры въ возможность сдѣлать что-нибудь для практическаго осуществленія своихъ идеаловъ нѣкоторые товарищи считаютъ залогомъ твердаго отношенія къ возможнымъ неудачамъ въ будущемъ.

Мы думаемъ иначе, и спасительное средство отъ разочарованій видимъ не въ этомъ. Безъ вѣры въ то, что служишь проведенію въ жизнь своего идеала, можно геройски отдать свою жизнь, но нельзя создать ничего прочнаго для будущаго. Дѣло, конечно, не въ наивной, некритической вѣрѣ, въ то, что вотъ-вотъ мы увидимъ

осуществленнымъ анархическій строй, а дѣло въ томъ основномъ принципѣ великой общественной дѣятельности, что всякая поставленная цѣль достижима въ той мѣрѣ, въ какой люди вѣрятъ въ ея достижимость и затрачиваютъ на это свою энергію.

Наше пониманіе хода общественныхъ движеній—совершенно иное, чѣмъ у тѣхъ партій, которыя дѣлятъ свои задачи на ближайшія и отдаленныя, и естественнымъ образомъ направляютъ всю свою дѣятельность исключительно на первыя. Для нихъ всегда существуетъ, съ одной стороны, конечный идеалъ, въ настоящую минуту недостижимый по общей неподготовленности страны, народа или класса, съ другой — рядъ ближайшихъ цѣлей, составляющихъ рядъ этапныхъ пунктовъ по пути къ этому идеалу. Осуществленіе этихъ ближайшихъ задачъ и само по себѣ, кромѣ того, приноситъ извѣстное улучшеніе, а потому, говорятъ намъ, будемъ бороться за каждую изъ поставленныхъ одна за другою цѣлей въ отдѣльности, поднимаясь такимъ образомъ, какъ по ступенькамъ, къ тому идеалу, который стоитъ на вершинѣ лѣстницы.

Таковъ обычный ходъ разсужденій составителей программъ нашихъ политическихъ партій; у нихъ не возникаетъ никакихъ сомнѣній въ правильности его. Многолѣтнее умственное вліяніе соціальдемократіи не прошло въ Россіи даромъ; оно оставило настолько укоренившіяся привычки мысли, что ихъ не чужды даже самые непримиримые идейные противники соціальдемократіи—анархисты. Большинство нашихъ товарищей разсуждаетъ приблизительно такъ же: анархическій строй въ Россіи сейчасъ недостижимъ; ближайшее, къ чему можно стремиться, это—демократизація политическаго режима, и только она осуществима на практикѣ. Для насъ же остается, или устраниться совсѣмъ, жалѣя о томъ, что мы родились слишкомъ рано, или, повинуясь жизненному чутью, броситься въ борьбу за чужое дѣло.

Въ основѣ всѣхъ этихъ разсужденій лежитъ нѣсколько ложныхъ по существу понятій, кажущихся однако, но

нѣкоторой особой привычкѣ мысли, непреложными истинами.

Возьмемъ прежде всего „достижимость“ и „недостижимость“ того или другого идеала. Она представляется всегда чѣмъ-то абсолютнымъ, чѣмъ-то управляемымъ чуть ли не космическими силами и законами; забывается, что понятія эти—чисто относительныя, временныя, зависящія исключительно отъ нашей оцѣнки момента. А какъ трудна эта оцѣнка, видно хотя бы изъ того, какъ жестоко всегда ошибались на этотъ счетъ всѣ наши партіи. Если движеніе въ Россіи повсюду заставало ихъ врасплохъ, то именно потому, что онѣ судили о „достижимости“ на основаніи опыта, пріобрѣтеннаго ими въ иное, мирное время, а этотъ опытъ оказывался совершенно непригоднымъ въ моментъ революціонный. Въ такой моментъ все становится вдругъ достижимымъ; но вотъ революція подавлена, наступаетъ время упадка — и то, что совсѣмъ, было, стало реальною дѣйствительностью, опять превращается въ мечту. Что же? была-ли въ поставленной цѣли какая-нибудь особенная, внутренняя „недостижимость“? Сторонники историческаго фатализма, фанатики „объективныхъ условій“ скажутъ, что очевидно то, что не было достигнуто, и не могло быть достигнуто; но это—слишкомъ легкій и удобный способъ судить о своевременности тѣхъ или иныхъ запросовъ на основаніи успѣха или неуспѣха. Такая точка зрѣнія совершенно запрещаетъ какія бы то ни было программы и планы на будущее, пока за ними не обезпеченъ успѣхъ навѣрняка. А когда-же это бываетъ? Сколько у насъ злоупотребляли и злоупотребляютъ „объективными условіями“, необходимыми для появленія соціализма! А между тѣмъ непредубѣжденному глазу сразу видна недостаточность, по крайней мѣрѣ, тѣхъ объективныхъ условій, на которыя указываютъ марксисты: страна наибольшаго развитія капитализма — Америка — стоитъ позади почти всѣхъ европейскихъ странъ въ смыслѣ соціалистическаго движенія; быстрый ростъ капитализма въ Германіи втеченіе

послѣднихъ десятилѣтій и сравнительный застой его во Франціи не помѣшалъ измельчанію нѣмецкаго соціализма и созданію, наоборотъ, во Франціи революціоннаго синдикализма, т. е. самаго передового и самаго развитого въ соціалистическомъ направленіи рабочаго движенія, какое только мы знаемъ въ наше время. Очевидно, помимо классическихъ „объективныхъ условій“ марксизма существуютъ другія условія, еще болѣе важныя, коренящіяся въ прошломъ данной страны и созданной этимъ прошлымъ народной психологіи.

Всякія разсужденія о томъ, къ чему „готовъ“ и къ чему „не готовъ“ народъ бываютъ всегда ложны—все равно въ пессимистическомъ или въ оптимистическомъ направленіи. У насъ нѣтъ никакой возможности учесть всѣ факторы, изъ которыхъ состоитъ подготовленность данной среды. Да и что называть подготовленностью? Будемъ ли мы считать, что готовы къ осуществленію соціалистическаго строя тогда, когда у насъ будетъ соціалистическое большинство? Но это большинство совершенно немыслимо составить при существующихъ общественныхъ условіяхъ, и мы всѣ хорошо знаемъ это. Если бы возможно было достигнуть коренного измѣненія понятій, чувствъ, привычекъ, всего воспитанія массы путемъ одной только пропаганды, то къ чему была бы насильственная революція, съ ея множествомъ страданій? Вѣдь не даромъ столько выстрадано культурниками, пришедшими къ революціоннымъ путямъ дѣятельности: горькимъ опытомъ убѣдились они въ томъ, что воспитать людей будущаго въ нѣдрахъ настоящаго—невозможно (во сколько-нибудь широкихъ размѣрахъ, конечно). Всѣ толки о распространеніи соціализма среди громадныхъ массъ, всѣ эти милліоны соціалистическихъ избирателей Германіи, поневолѣ возбуждаютъ въ насъ недовѣріе. И дѣйствительно, стóитъ только присмотрѣться ближе къ положенію вещей въ Германіи, чтобы увидать, что все это—голоса вовсе не соціалистовъ, а просто недовольныхъ, желающихъ тѣхъ или иныхъ реформъ, но нисколько не задающихся цѣлями коренного общественнаго преобразованія. А такъ какъ въ

Германіи соціальдемократія—единственная оппозиціонная партія, то всѣ эти оппозиціонные голоса естественно направляются къ ней. А у насъ? Развѣ всѣ тѣ, кто поддерживалъ борьбу, начатую соціалистами, раздѣляли соціалистическія убѣжденія? Очевидно нѣтъ, но соціалисты одни боролись, и за ними шли всѣ недовольные элементы, каждый со своими особыми желаніями и требованіями.

Одно изъ самыхъ обычныхъ возраженій, которыя дѣлаются анархистамъ, это — слѣдующее: „Анархизмъ — прекрасная вещь, но для осуществленія его въ жизни требуются иные люди, болѣе высокаго нравственнаго уровня, чѣмъ окружающіе насъ". Но, спросимъ мы, откуда возьмутся эти люди? Вѣдь не существующій же общественный строй съ его развращающимъ вліяніемъ, котораго отрицать не можетъ никто, подниметъ нравственный уровень человѣчества? Мы слишкомъ ясно видимъ громадное вліяніе общественной среды на человѣка и слишкомъ много надеждъ возлагаемъ въ будущемъ именно на преобразованіе среды, чтобы питать такія иллюзіи. Нѣтъ, мы знаемъ, что анархистовъ создастъ только анархическій строй. Получается такимъ образомъ какое-то парадоксальное положеніе, какой-то заколдованный кругъ Гдѣ же выходъ изъ него? — Выходъ подсказывается не логическимъ построеніемъ, болѣе или менѣе убѣдительнымъ, а самою жизнью, опытомъ прошлаго.

Какъ происходили всегда освободительныя движенія? Борьба противъ существующаго порядка вещей, какъ и всякая новая идея—идея будущаго—возникаетъ сначала среди меньшинства, въ силу тѣхъ или иныхъ условій поставленнаго такъ, что оно сильнѣе остальной массы чувствуетъ и угнетеніе, и надежду избавиться отъ него. Условія слишкомъ тяжело гнетутъ массы, чтобы многіе могли сразу освободиться отъ духовнаго порабощенія и начать борьбу. Но революціонное меньшинство начинаетъ ее на свой страхъ и рискъ, не заботясь о томъ, слѣдуютъ-ли за нимъ остальные. И понемногу за нимъ начинаютъ

слѣдовать; это сказывается, если не на фактахъ, то въ незамѣтномъ перерожденіи умовъ. Страхъ и забитость ослабѣваютъ при видѣ безстрашной борьбы наиболѣе рѣшительныхъ; ростетъ духъ протеста, увеличивается и число борящихся. За что борется передовое меньшинство—еще не совсѣмъ понятно, но противъ чего оно борется — это видно всѣмъ. А противъ того же самаго готовъ бороться, хотя съ разными лозунгами и съ разными степенями непримиримости, очень многіе. Какое-нибудь событіе, иногда ничтожное, какой-нибудь выдающійся актъ произвола и несправедливости, даетъ толчекъ и происходитъ взрывъ. Наступаетъ революціонное время, богатое опытомъ, періодъ напряженнѣйшей общественной и умственной жизни; общественное развитіе идетъ гигантскими шагам . Ростетъ мысль революціонеровъ — и иниціативнаго меньшинства, и массы; между ними теперь уже нѣтъ прежней пропасти.

Въ результатѣ революціоннаго подъема — все равно, будетъ ли революція торжествовать или она будетъ подавлена—общій уровень понятій въ массѣ оказывается повышеннымъ. Онъ теперь—нѣчто среднее между тѣмъ, чѣмъ онъ былъ раньше, и тѣмъ, что было прежде достояніемъ одного только передового меньшинства. Идеалъ этого меньшинства еще не осуществленъ, но то, что осуществлено (на практикѣ, если революція удачна, въ умахъ только, если она подавлена) есть нѣчто приближающееся къ этому идеалу, и при томъ приближающееся тѣмъ больше, чѣмо упорнѣе, непримиримѣе и послѣдовательнѣе проводило свои убѣжденія это меньшинство. Осуществляется часть требованій, выставлявшихся въ наиболѣе широкихъ программахъ; осуществленіе другой части остается въ наслѣдство слѣдующему поколѣнію и становится лозунгомъ новой эры, которую открыла революція. Революція—не только завершеніе предшествовавшей ей эволюціи: она, кромѣ того, отправной пунктъ эволюціи послѣдующей. Теперь ставятся на очередь именно тѣ лозунги, которые въ происшедшей революціи

не смогли еще найти себѣ достаточнаго отклика, чтобы воплотиться въ жизнь.

Въ этихъ общихъ соображеніяхъ — отвѣтъ на поставленный выше вопросъ: какъ быть, если анархическій строй требуетъ людей, подготовленныхъ къ его осуществленію, а такіе люди не могутъ создаться при современныхъ условіяхъ? Да, сейчасъ анархисты — незначительное революціонное меньшинство. Мало того: они сами еще далеко не люди будущаго, потому что на нихъ неизбѣжно отражается то, что они воспитались и живутъ въ нѣдрахъ существующаго строя. Но въ виду тѣхъ или иныхъ условій, они поставили себѣ извѣстный общественный идеалъ; ихъ дѣло, поэтому,—работать во имя его, не считаясь съ тѣмъ, много-ли или мало людей окажутся способными послѣдовать за ними. Масса, конечно, не подготовлена, но она никогда не бываетъ подготовлена: революціонный взрывъ всегда наступаетъ раньше.

Что анархическій идеалъ не будетъ осуществленъ въ его цѣломъ даже если ближайшая революція въ Россіи вполнѣ побѣдитъ, это — болѣе, чѣмъ вѣроятно; но чѣмъ непримиримѣе и упорнѣе будетъ вестись пропаганда анархическихъ идей, и въ періодъ борьбы, и въ періодъ строительства будущаго, тѣмъ прочнѣе войдутъ они въ тотъ строй, который водворится „на другой день“ послѣ революціи, тѣмъ бо́льшее мѣсто займутъ онѣ въ умахъ массъ. Если мы хотимъ, чтобы непосредственно послѣ ближайшаго переворота, который наступитъ въ Россіи, требованія соціализма, и притомъ соціализма анархическаго, стали лозунгомъ не только передового меньшинства, но массы, ихъ нужно выставить теперь же, чтобы голосъ анархизма раздался въ революціонный моментъ настолько громко, чтобы его было слышно въ послѣреволюціонный періодъ; нужно, чтобы въ той революціи, которая произойдетъ теперь, были ясно и доступно выставлены анархическіе принципы. Они не будутъ осуществлены въ ближайшее время, но это необходимо для того, чтобы они сдѣлались лозунгомъ

дальнѣйшихъ завоеваній, въ борьбѣ за прогрессъ въ нѣдрахъ новаго общества. Это—необходимое условіе успѣха. Въ умы массъ и въ факты жизни входитъ, прорѣзываясь сквозь старыя переживанія и сталкиваясь съ другими направленіями, лишь извѣстная доля выставленнаго цѣльнаго идеала, и чѣмъ этотъ идеалъ шире, опредѣленнѣе, тѣмъ значительнѣе, больше и рѣшительнѣе и то, что останется отъ него въ жизни и въ умахъ. Въ этомъ смыслѣ журавль въ небѣ не только для насъ субъективно лучше, но и на практикѣ полезнѣе синицы въ рукахъ.

Даже въ неудавшейся, въ подавленной революціи тѣ лозунги, которые были выставлены въ періодъ борьбы, не пропадаютъ даромъ, а остаются для слѣдующаго поколѣнія. Всѣ революціи девятнадцатаго вѣка были неудачными; это были пораженія рабочихъ, но такія пораженія, изъ которыхъ каждое составляло шагъ впередъ къ побѣдѣ. Обманувшая надежды рабочихъ революція 1848-го года вырыла, въ іюньскіе дни, окончательную пропасть между рабочими и республиканской буржуазіей; она, кромѣ того, очистила соціализмъ отъ его мистическаго, религіознаго характера и связала его съ реальнымъ общественнымъ движеніемъ. Парижская Коммуна 1871-го года, совершенно раздавленная, потопленная въ крови, подорвала безусловно господствовавшій до того времени культъ государственной централизаціи и провозгласила принципъ широкой автономіи и федерализма. А русская революція? Несмотря на то, что она не пережила даже временнаго торжества, какъ Коммуна, несмотря на то, что по жестокости подавленія ея она стоитъ, можетъ быть, даже впереди Коммуны, несмотря на все это, развѣ можно сравнить Россію теперь съ Россіей десять лѣтъ тому назадъ? Распространяться объ этомъ излишне: каждый изъ насъ можетъ привести сколько угодно фактовъ, указывающихъ на громадную перемѣну.

Нѣтъ, несомнѣнно даже самая неудачная, самая незначительная по практическимъ результатамъ революція даетъ все таки неизмѣримо много по сравненію съ обыч-

нымъ медленнымъ ходомъ прогресса. И потому, съ точки зрѣнія борьбы за будущее, революція — всегда побѣда, каковъ бы ни былъ ея внѣшній исходъ. Послѣ самаго жестокаго пораженія всегда можно сказать ея борцамъ, какъ говорится въ одномъ старомъ стихотвореніи революціонеру, попавшему въ плѣнъ къ врагамъ:

„И если спросятъ: чья взяла?
Скажи: моя взяла, конечно!“

II

Вычеркивая изъ нашего обсужденія вопросы о достижимости нашего идеала и подготовленности массы, какъ вопросы не только ненужные, но вредные для правильнаго пониманія революціонной дѣятельности, мы однако нисколько не упрощаемъ стоящихъ передъ нами задачъ. Но только трудность ихъ заключается совсѣмъ въ иномъ.

Какъ относиться къ движенію, которое происходитъ не подъ преимущественнымъ нашимъ вліяніемъ, а или стихійно, или подъ руководствомъ другихъ партій? Какое можетъ быть наше участіе въ борьбѣ, которая по своей сознанной цѣли, по своему положительному идеалу — не наша борьба (мы говоримъ положительному идеалу, потому что въ своей отрицательной сторонѣ, какъ борьба съ существующимъ гнетомъ. всякая освободительная борьба — наша борьба)?

Какъ бы ни была на первый взглядъ соблазнительна и какъ бы не казалась послѣдовательна та упрощенная точка зрѣнія, что анархистъ можетъ участвовать только въ движеніи проникнутомъ анархическими идеями, она на практикѣ привела бы къ полному безсилію и даже хуже: ко вреду для дѣла. Объ этомъ еще можно было бы говорить, если бы исторія шла такъ, что все общественное движеніе могло бы создаваться одними анархистами и все недовольство, существующее въ народѣ, находило бы себѣ выходъ въ анархическомъ направленіи, такъ что въ

концѣ концовъ само собою вылилось бы въ революціи безгосударственнаго и коммунистическаго характера. Но дѣло въ томъ, что рядомъ съ анархистами работаютъ и другія партіи, а больше всего работаетъ стихійное недовольство, которое приводитъ въ концѣ концовъ къ стихійнымъ же взрывамъ, еще далеко не проникнутымъ анархическими идеалами.

Мало того: можно сказать навѣрняка, что даже та революція, которая дастъ побѣду этимъ идеаламъ, начнется подъ лозунгами гораздо менѣе широкими и дойдетъ до анархизма только въ своемъ развитіи. Вѣдь всѣ революціи въ исторіи начинались съ движеній сравнительно незначительныхъ и идейно сравнительно бѣдныхъ: Великая Французская Революція не мечтала вначалѣ ни о полномъ уничтоженіи феодальнаго строя, ни о сверженіи королевской власти, не говоря уже о болѣе крайнихъ соціальныхъ запросахъ, выдвинутыхъ ея меньшинствомъ впослѣдствіи, въ процессѣ ея развитія. Парижская Коммуна 1871-го года была вначалѣ взрывомъ патріотическаго негодованія и больше всего актомъ самообороны отъ реакціонныхъ попытокъ правительства. Впрочемъ, приводить историческіе примѣры даже излишне: они у всѣхъ въ памяти. Общественныя движенія имѣютъ свои внутренніе законы развитія — и это вѣрно не только для революцій, но и для гораздо болѣе мелкихъ явленій. Вспомнимъ, какъ неудачны всегда бывали всякія попытки вызвать крупное движеніе опредѣленнаго характера къ опредѣленному моменту; вспомнимъ, что только тѣ забастовки, напримѣръ, которыя возникали стихійно и шли постепенно расширяясь, доходили до дѣйствительно грозныхъ размѣровъ; всякій же разъ, когда руководители пытались предписать ихъ, онѣ терпѣли неудачу. Точно также и революцію никогда не удастся сдѣлать по опредѣленному плану и въ желательный моментъ: она разразится въ результатѣ непредвидимыхъ мелкихъ событій; революціонерамъ-же остается пока только учиться, какъ подготовиться къ ней, чтобы не

4-3113

Библиотека

быть застигнутыми врасплохъ, какъ это бывало до сихъ поръ, несмотря на самыя выработанныя программы.

Наблюдая общественную жизнь той или иной страны, можно приблизительно предвидѣть, какой характеръ будетъ носить въ ней ближайшій революціонный взрывъ. Во Франціи, напримѣръ, онъ, судя по всему, явится результатомъ какого нибудь обострившагося стачечнаго конфликта; вся современная синдикалистская борьба ведетъ къ этому. Въ Германіи такимъ поводомъ можетъ послужить какая нибудь особенно рѣзкая реакціонная попытка со стороны императорской власти. Въ Россіи у насъ есть полное основаніе думать, что движеніе выйдетъ, или изъ широко распространившихся крестьянскихъ возстаній, или изъ какихъ-нибудь рабочихъ движеній, вѣроятно съ политическими лозунгами; во всякомъ случаѣ, оно сейчасъ же приметъ характеръ политически-освободительный. Съ нимъ-то намъ и придется считаться.

Здѣсь многіе наши товарищи ставятъ такой вопросъ. Принимая участіе въ борьбѣ съ существующимъ политическимъ строемъ, мы косвенно служимъ установленію у насъ того самаго правового порядка, всѣ недостатки котораго мы сами показываемъ въ своей пропагандѣ; какой же смыслъ имѣетъ наше участіе въ такой борьбѣ? и не есть ли это участіе измѣна основному нашему принципу, что мы работаемъ не для политическаго, а для экономическаго переворота?

Эта, повидимому послѣдовательная, постановка вопроса, въ сущности грѣшитъ непродуманностью; мало того: она идетъ въ разрѣзъ именно съ основными принципами анархизма.

Да, мы работаемъ для экономическаго переворота, но для насъ этотъ переворотъ долженъ сопровождаться и самымъ крупнымъ политическимъ переворотомъ, какой только знала исторія: уничтоженіемъ самой государственности. Переворотъ политическій и переворотъ экономическій всегда были, и не могутъ не быть, въ глазахъ

анархистовъ неразрывно связаны другъ съ другомъ. Именно такъ ставили вопросъ соціалисты Интернаціонала до того момента, когда, подъ вліяніемъ Маркса, въ немъ обрисовалось соціальдемократическое крыло. Тогда-же, создавшаяся въ 1869 году нѣмецкая партія выдвинула впервые программу-минимумъ: въ нее вошли требованія, составлявшія раньше достояніе буржуазныхъ радикаловъ (прямое законодательство, всеобщая подача голосовъ и проч. и проч.), и политическое освобожденіе было поставлено предварительнымъ условіемъ экономическаго. Точно также, позднѣе создалось и уклоненіе въ обратную сторону: разъединеніе двухъ задачъ, вплоть до примиренія съ „соціальною монархіею", т. е. такою монархическою властью, которая согласилась бы пойти на встрѣчу нѣкоторымъ требованіямъ рабочихъ (громкимъ примѣромъ можетъ послужить недавнее примиреніе съ итальянскимъ королемъ бывшаго соціалистическаго депутата Энрико Ферри).

Анархисты, никогда не шедшіе на компромиссы ни съ какою властью, ни демократическою, ни монархическою, сохраняютъ въ этомъ отношеніи старую позицію, и теперь, больше чѣмъ черезъ сорокъ лѣтъ, могутъ повторить слова Бакунина: «Соціальная революція нисколько не исключаетъ революціи политической. Напротивъ, она необходимо предполагаетъ ее, но она придаетъ ей совершенно новый характеръ – характеръ дѣйствительнаго освобожденія народа отъ государственнаго ига. Почти всѣ политическія учрежденія и вся политическая власть были созданы, въ сущности, исключительно для защиты и охраненія экономическихъ привилегій имущихъ и эксплуатирующихъ классовъ противъ возмущеній пролетаріата: ясно поэтому, что соціальная революція должна будетъ разрушить эти учрежденія и эту власть не раньше и не позже, а одновременно съ тѣмъ, какъ она занесетъ свою смѣлую руку на экономическія основы народнаго порабощенія. Революція соціальная и революція политическая будутъ въ дѣйствительности неотдѣлимы одна отъ другой, да такъ оно и должно быть, потому

что первая безъ второй — невозможность, безсмыслица, а вторая безъ первой — надувательство. Политическая революція, одновременная съ революціею соціальною, неотдѣлимая отъ нея и служащая, такъ сказать, ея отрицательнымъ выраженіемъ, будетъ не измѣненіемъ, а грандіозной ликвидаціей государства и кореннымъ уничтоженіемъ всѣхъ политическихъ и юридическихъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью порабощеніе народнаго труда и его эксплуатацію привиллегированными классами.»*)

Можно сказать, что анархисты — наибольшіе „политики“ изъ всѣхъ соціалистовъ, потому что они наименѣе склонны къ „экономизму“, наименѣе способны мириться съ политическимъ гнетомъ, даже если мы представимъ себѣ его въ обществѣ экономически преобразованномъ. Для насъ свобода личности и автономія группы — не менѣе дорога, чѣмъ экономическая обезпеченность: потому-то мы и отказываемся отъ коллективизма съ его вознагражденіемъ пропорціонально труду хотя бы и достаточнымъ, и миримся только на единственно-свободномъ экономическомъ принципѣ, на принципѣ коммунистическомъ: „каждому по его потребностямъ, отъ каждаго по его силамъ“. Потому то мы и протестуемъ заранѣе противъ гнета соціальдемократическаго государства, несмотря на то, что экономическое освобожденіе оно, если и не цѣликомъ, то въ значительной мѣрѣ все-таки принесло-бы. Мы больше, чѣмъ кто бы то ни было помнимъ, что „не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ“, и если и хотимъ хлѣба прежде всего, то потому, что знаемъ, что безъ этого п е р в а г о условія не осуществимо и все остальное. Но и этимъ остальнымъ мы не поступимся, тѣмъ болѣе, что знаемъ заранѣе, что на одномъ только экономическомъ благосостояніи при государственномъ и духовномъ порабощеніи, какое сулитъ намъ соціальдемократическій строй (если даже мы допустимъ,

*) Изъ отрывка, написаннаго по французски и изданнаго недавно въ т. IV собранія сочиненій Бакунина подъ заглавіемъ: „Рукопись въ 114 стр., составленная въ Марсели“ (Manuscrit de 114 pages rédigé à Marseille), стр. 197—198.

что такая комбинація исторически осуществима), человѣчество все равно не помирится, и ту противо-государственную борьбу, которую оно, во имя интересовъ чистой экономики, откажется вести сегодня, ему придется все равно вести завтра, послѣ той, очень неполной, побѣды, которую оно себѣ готовитъ.

Все это съ такою очевидностью вытекаетъ изъ основныхъ принциповъ анархизма, что, пожалуй, и напоминать объ этомъ было бы излишне, если бы для анархической пропаганды, возродившейся въ Россіи послѣ 30-лѣтняго промежутка, не создалось очень своеобразное положеніе. А создалось оно благодаря, главнымъ образомъ, тому, что анархисты явились тогда, когда другія, рядомъ дѣйствующія, партіи имѣли за собою уже долгіе годы существованія. Иниціаторамъ анархическаго движенія пришлось, поэтому, столкнуться прежде всего не съ незатронутой массой, а съ партійной средой соціалистовъ-революціонеровъ и соціаль-демократовъ. Первыя наши группы составились изъ бывшихъ членовъ этихъ партій, т. е. произошло перемѣщеніе людей внутри партійной среды, совершенно также, какъ нѣсколькими годами раньше первыя создавшіяся группы соціалистовъ-революціонеровъ вербовали своихъ членовъ изъ соціаль-демократовъ. Потребность полемики съ существующими партіями, потребность какъ можно яснѣе отмежеваться отъ нихъ заняла, поэтому, сразу въ работѣ нашихъ товарищей очень видное мѣсто — опять таки, какъ немного раньше потребность критики соціальдемократіи у соц.-революціонеровъ. Самымъ существеннымъ казалось сразу выдвинуть свою, о с о б у ю, точку зрѣнія, — такъ, чтобы нельзя было смѣшать дѣятельность анархистовъ ни съ какою другою. Имъ точно боязно было, что если они будутъ дѣйствовать т а к ь, к а к ъ е с л и б ы о н и о д н и в е л и р е в о л ю ц і о н н у ю б о р ь б у, то самой ихъ дѣятельности, хотя бы и подкрѣпленной идейною пропагандою, будетъ недостаточно, чтобы сразу отличить

ихъ отъ другихъ, сосѣднихъ, партій. А потому у насъ было очень распространено такое представленіе, что если другая партія дѣлаетъ что-нибудь, хотя бы съ нашей точки зрѣнія вполнѣ полезное, то все таки намъ этимъ заниматься уже не слѣдуетъ, потому что иначе — чѣмъ же мы будемъ отличаться? И, несмотря на странность такого опасенія, оно было вполнѣ объяснимо для партіи, создавшейся въ Россіи въ революціонный моментъ, когда думать объ идейномъ обоснованіи и о распространеніи своей теоретической программы было некогда, а нужно было прямо дѣйствовать. Отсюда попытки такого вмѣшательства въ революціонную борьбу, которое само бы за себя говорило и сразу видно было бы какъ анархическое, безъ всякихъ объясненій. Однимъ изъ такихъ, нѣкоторымъ образомъ „символическихъ“ способовъ дѣйствія явился т. наз. „безмотивный“ терроръ. Такимъ-же результатомъ спѣшности, невозможности продумать свою программу и стремленія подчеркнуть исключительно ея отличія отъ другихъ, была и нѣкоторая односторонность нашей пропаганды.

Анархисты явились съ своею основною идеею непосредственнаго экономическаго переворота въ партійную среду, гдѣ господствовалъ совершенно обратный взглядъ: достиженіе идеаловъ соціалистическихъ откладывалось тамъ на болѣе или менѣе отдаленное будущее, а на очередь ставилось исключительно измѣненіе государственнаго строя. Поэтому анархистамъ приходилось настаивать именно больше всего на экономической и соціальной сторонѣ борьбы, т. е. дѣлать то, чего не сдѣлалъ вокругъ нихъ никто другой. Изъ своего лозунга „безгосударственный соціализмъ“ или приходилось поневолѣ напирать на соціализмъ, оставляя пока въ сторонѣ борьбу съ государствомъ, которая и такъ велась вокругъ нихъ — по крайней мѣрѣ съ государствомъ въ его наличной формѣ.

Но продолжаться такъ не можетъ. Это приспособленіе къ другимъ партіямъ—хотя бы въ смыслѣ постоянной оппозиціи имъ —въ сущности—признакъ слабости, неувѣ-

ренности въ своей способности сыграть самостоятельную роль. Наша пропаганда слишкомъ легко пошла по линіи наименьшаго сопротивленія и сосредоточилась на сравнительно нетрудной задачѣ: критикѣ конституціоналистическихъ иллюзій и борьбѣ съ идеализаціей демократическаго строя, дѣйствительно доходившей у насъ до геркулесовыхъ столбовъ. На этой почвѣ пропаганда была нетрудна и всегда успѣшна. Наши товарищи пользовались анархическою литературою, создавшейся въ Западной Европѣ и очень полно разработавшей вопросъ о парламентаризмѣ – вопросъ самый насущный для выработки основныхъ взглядовъ на соціалистическую борьбу въ демократическихъ странахъ. Они обнаруживали, такимъ образомъ, обыкновенно гораздо лучшее знакомство съ борьбою рабочихъ на Западѣ, чѣмъ ихъ противники, чуть-ли не воображавшіе себѣ, что всеобщее избирательное право дѣлаетъ рабочихъ господами положенія.

Но критика государственнаго строя демократическихъ государствъ, какъ бы справедлива она ни была сама по себѣ, взятая въ отдѣльности еще ни къ чему не приводитъ. Демократическаго государства у насъ еще нѣтъ; поэтому борьба съ нимъ имѣетъ смыслъ постольку, поскольку она входитъ въ общую анархическую пропаганду и поскольку рядомъ съ отрицаніемъ демократическаго государства въ нашей пропагандѣ будетъ всегда выставленъ и тотъ положительный идеалъ, который мы ставимъ на мѣсто его: безгосударственный федералистическій строй, свободный союзъ независимыхъ коммунъ. Останавливаясь-же исключительно на критической сторонѣ, разбивая иллюзіи, на которыхъ основывается идущая вокругъ насъ борьба и не давая взамѣнъ ихъ ничего другого, мы рискуемъ принести не пользу, а вредъ и вредъ не только дѣлу анархической пропаганды, но и дѣлу революціи въ Россіи вообще. Мы рискуемъ недостаточно осторожнымъ отношеніемъ посѣять разочарованіе, индифферентизмъ, оттолкнуть отъ борьбы, и нужно помнить, что всякій такой случай легъ бы на насъ тяжелымъ позоромъ.

Нужно не пассивное равнодушіе къ борьбѣ за демократизацію политическаго строя и тѣмъ болѣе не враждебное отношеніе къ этой борьбѣ, а нужна выработка **своей**, антигосударственной, программы политической борьбы, программы, которая опять таки построена была бы на неотдѣлимости борьбы политической отъ борьбы **экономической.**

Не у насъ первыхъ возникли эти вопросы: они стояли и передъ соціалистами западно-европейскихъ странъ. Былъ моментъ, когда французскіе рабочіе, отброшенные далеко отъ республики іюньскими днями 1848 го года, встрѣтили безъ всякаго сопротивленія послѣдовавшій государственный переворотъ Наполеона III-го и водвореніе имперіи. Но эта имперія поработила не только республиканскую буржуазію, ставшую рабочимъ ненавистною, но и самихъ рабочихъ, которые потомъ почувствовали ея гнетъ гораздо сильнѣе, чѣмъ буржуазія, быстро объединившаяся съ государственною властью въ борьбѣ противъ общаго врага —народившагося рабочаго движенія. Вотъ что писалъ Бакунинъ въ 1870 году по поводу возможности индифферентнаго отношенія парижскихъ рабочихъ къ побѣдамъ Германіи надъ Франціею, побѣдамъ, которыя могли привести къ порабощенію Франціи подъ деспотическимъ игомъ прусской монархіи:

„Если бы это была правда (слухи о такомъ индифферентномъ отношеніи) а я все надѣюсь, что это—неправда, то вотъ что это доказывало бы. Это доказывало бы, прежде всего, что рабочіе, съузивъ до крайности экономическій и соціальный вопросъ, свели его на простой вопросъ исключительно матеріальнаго благосостоянія для самихъ себя, т. е. на узкую и нелѣпую утопію, осуществленіе которой совершенно невозможно. Все связано въ человѣческомъ мірѣ, и матеріальное благосостояніе можетъ явиться слѣдствіемъ только полнаго и коренного преобразованія, которое охватитъ и разрушитъ всѣ существующія учрежденія и прежде всего свергнетъ всю существующую власть, военную и гражданскую, во Франціи и за-границею. Это доказывало бы, съ другой стороны, что,

поглощенные этою нездоровою утопіею, рабочіе Парижа и Франціи потеряли всякое чутье къ современности, что они перестали чувствовать и понимать что-либо внѣ самихъ себя, а потому перестали понимать и условія своего собственнаго освобожденія; что они перестали быть живыми и сильными людьми, у которыхъ есть сердце, умъ, въ которыхъ живетъ страсть, гнѣвъ и любовь, и превратились въ двуногихъ резонеровъ и догматиковъ, какими были христіане при Римской Имперіи... Это показывало бы, что теоретическія разсужденія и догматическое самомнѣніе сдѣлало рабочихъ слѣпыми и тупыми" *).

Этимъ политическимъ индифферентизмомъ, который Бакунинъ такъ боялся увидать у французскихъ рабочихъ, никогда не страдали анархисты западной Европы; не страдали имъ и русскіе народники и землевольцы 70-хъ годовъ, во взглядахъ и программахъ которыхъ безусловно господствовали анархическія идеи. Доказывать это обстоятельно — излишне: и цитатъ изъ писаній анархистовъ, и примѣровъ изъ ихъ практики пришлось бы привести слишкомъ много. Достаточно вспомнить всю нашу литературу, начиная съ настольной книги анархистовъ всѣхъ странъ — «Рѣчей Бунтовщика» П. А. Кропоткина **) и кончая всѣми органами интернаціональной анархической печати, чтобы увидать, на какую принципіальную точку зрѣнія становились всегда въ этихъ вопросахъ наши товарищи; ту-же самую точку зрѣнія проводило въ Россіи въ рядѣ своихъ изданій т. наз. «хлѣбовольческое» направленіе. Вспомнимъ, съ другой стороны, объ участіи анархистовъ во всѣхъ революціонныхъ движеніяхъ всѣхъ странъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ анархическое движеніе существуетъ, т. е. втеченіи приблизительно сорока лѣтъ. Во всѣхъ возстаніяхъ Италіи, Испаніи и Португаліи, во всѣхъ крупныхъ общественныхъ движеніяхъ другихъ странъ, въ борьбѣ со всѣми попытками націоналисти-

*) „Письма къ одному французу" („Lettres à un Français"), т. II франц. изданія, стр. 255—256.

**) См. особенно главу „Политическія права".

ческой и монархической реакціи во Франціи, анархисты всегда были въ первыхъ рядахъ борящихся. Напомнимъ, наконецъ, о всѣмъ извѣстныхъ громкихъ актахъ политическаго террора анархистовъ. И только у насъ въ Россіи, по какому-то нелѣпому стеченію обстоятельствъ, а можетъ быть и по слишкомъ уже большой страсти къ доктринерству, поднялся у товарищей вопросъ о томъ, какъ относиться къ окружающему освободительному движенію. Въ Россіи, гдѣ это движеніе — вопросъ даже не политики, а простой борьбы съ дикимъ звѣрствомъ! И когда? Когда, послѣ безконечно долгаго сна, страна, наконецъ, начала просыпаться и весь міръ — міръ не черносотенный, конечно, а міръ живыхъ людей — съ надеждою смотрѣлъ на это пробужденіе; когда наши товарищи—анархисты другихъ странъ - ждали отъ Россіи искры, которая, можетъ быть, зажгла бы всю Европу, а многіе думали объ образованіи легіоновъ на помощь русской революціи. А у насъ безпокоились о томъ, не сыграемъ ли мы, участвуя въ освободительной борьбѣ, въ руку либераламъ, и совершенно упускали изъ виду то громадное значеніе, какое происходящая борьба имѣла не только для конституціоналистовъ разнаго толка, но и для насъ.

А между тѣмъ стоитъ только минуту подумать надъ нашимъ основнымъ принципомъ, чтобы понять нашу роль въ этой борьбѣ. „Анти-государственность“ анархистовъ предполагаетъ, что они борятся съ каждою наличною формою государства, вплоть до уничтоженія всѣхъ формъ его. Вѣдь «государства» отвлеченнаго, которое воплощало бы чистую идею государственности и не было бы ни монархіею, ни республикою, и никакою другою изъ извѣстныхъ формъ правленія — такого государства не бываетъ, а потому намъ приходится всегда встрѣчаться съ какою нибудь конкретною формою его, съ тѣмъ или инымъ политическимъ строемъ. Съ этою конкретною — опредѣленною, существующею формою и

приходится бороться, совершенно независимо отъ того, что у другихъ участниковъ освободительнаго движенія эта борьба предполагаетъ стремленіе къ какому-нибудь иному строю. И чѣмъ сильнѣе давитъ данная государственная форма, тѣмъ больше силъ должно затрачиваться и на борьбу съ нею. Въ Россіи государственный гнетъ достигаетъ максимума того, что мы можемъ себѣ представить въ настоящее время; такъ неужели же анархисты будутъ относиться пренебрежительно къ борьбѣ съ нимъ, когда наши западно-европейскіе товарищи не мирятся даже съ смягченнымъ гнетомъ республикъ?

Государственное порабощеніе держится, какъ и всякое порабощеніе, на привычкѣ подчиняться ему, на приспособленіи къ нему, и для того, чтобы люди дошли до такого состоянія, когда всякій гнетъ станетъ для нихъ невыносимымъ, въ какія бы демократическія одежды онъ не облекался, въ нихъ должно воспитаться такое чувство независимости, такая привычка къ сопротивленію и борьбѣ, которая сама по себѣ и безъ всякаго упражненія не можетъ родиться въ рабскихъ подданныхъ россійскаго государства.

Только въ борьбѣ со всѣми наличными формами государственнаго угнетенія можно придти къ тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ, въ моментъ соціальной революціи, установленіе той формы его, которую мы можемъ предвидѣть изъ программъ соціалистовъ-государственниковъ. Иначе анархическое воспитаніе массъ идти не можетъ.

Изъ боязни сыграть въ руку буржуазнымъ либераламъ, наши товарищи забываютъ одно, гораздо болѣе важное соображеніе: что, даже косвенно послуживъ своимъ участіемъ въ борьбѣ достиженію политическаго идеала либераловъ, они послужатъ не только и не столько этому достиженію, сколько тому, что гораздо болѣе цѣнно: ослабленію рабскихъ, вѣрноподданническихъ чувствъ, воспитанныхъ долгими годами гнета, выработкѣ духа протеста и потребности индивидуальной свободы. Уменьшается этимъ престижъ власти, прежде имѣвшей за собою вѣка господства, и та власть, которая замѣнитъ собою

прежнюю, традиціонную, уже никогда не будетъ стоять такъ прочно. Она явится уже подорванною и не будетъ имѣть для массы прежняго обаянія. Традиція власти вѣковой — той, которая кажется непоколебимою, вѣчною, отъ Бога установленною,—вотъ что должно быть разрушено прежде всего для установленія антигосударственной оппозиціи. Власть, которую, какъ показалъ опытъ, можно измѣнять и свергать, которая есть дѣло рукъ человѣческихъ, на глазахъ или на памяти современнаго поколѣнія созданная, уже не такъ страшна: ея уже коснулась критика. А разъ коснувшись традиціи и предразсудка, критика разъѣдаетъ ихъ все дальше и дальше; отсюда прямой путь къ понятію о возможности обойтись безъ всякой власти вообще. Здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, важенъ не столько фактическій результатъ, т. е. тотъ политическій строй, который установится на развалинахъ свергнутаго, сколько самый фактъ сверженія этого стараго строя.

Возьмите такое демократическое государство какъ Францію. Самая конституція ея—всеобщая подача голосовъ, отвѣтственность министровъ и разныя другія пожеланія нашихъ политиковъ, во Франціи давно уже осуществленныя,—ничего до сихъ поръ не дали, и никогда не дадутъ рабочимъ для ихъ освобожденія; всѣ эти учрежденія находятся всецѣло на службѣ у буржуазіи, родились и выросли вмѣстѣ съ нею и употребляются ею исключительно для охраны своего господства. Но съ этими демократическими формами управленія связаны, вмѣстѣ съ тѣмъ, извѣстное гражданское равенство и цѣлый рядъ такихъ свободъ, какъ свобода слова, печати, ассоціацій, вѣроисповѣданій и т. д., которыя когда-то буржуазія завоевала для себя въ своей борьбѣ и которыми ей волей-неволей приходится теперь дать пользоваться и борящимся противъ нея рабочимъ. Почему же однако ей «приходится» дѣлать это? Не изъ политической честности и послѣдовательности конечно (это никогда не мѣшало буржуазіи вводить противъ революціонеровъ разнаго рода «исключительные законы»), а просто потому, что безъ

извѣстнаго минимума уступокъ, самое существованіе ея стало бы невозможнымъ. Этотъ минимумъ свободъ охраняется не законами демократической конституціи, а историческимъ фактомъ: тѣмъ, что онъ завоеванъ въ рядѣ революцій кровью рабочихъ и они не позволятъ теперь отнять ихъ у нихъ.

Прошлая исторія, пережитая борьба создала то, что рабочихъ нельзя теперь поработить въ той мѣрѣ, въ какой они были порабощены раньше. И если рабочіе хотятъ пользоваться для своего освобожденія и печатью, и собраніями, и открытыми организаціями, они пользуются ими ровно настолько, насколько сами способны отстоять ихъ. Безъ стоящей за «правами» и «свободами» силы прошлыхъ революцій и настоящей готовности народа къ самооборонѣ и сопротивленію, писанныя конституціи никакой цѣны не имѣютъ. Да среди современныхъ установившихся конституцій и нѣтъ дарованныхъ: дарованныя сами очень быстро таютъ и всѣ «неприкосновенности личности», въ нихъ значащіяся, исчезаютъ, какъ дымъ.

Въ пылу увлеченія, въ спорахъ съ тѣми, кто возводитъ «правовой порядокъ» чуть не въ рай земной и идиллически расписываетъ положеніе западно-европейскаго рабочаго, нашимъ товарищамъ случается говорить, что «все равно — что Франція, что Россія: вездѣ плохо». Дѣйствительно, вездѣ плохо. И тѣмъ не менѣе нельзя закрывать глаза на очевидный фактъ: на громадныя различія общественной жизни и общественнаго развитія Франціи, больше ста лѣтъ тому назадъ добившейся уничтоженія самодержавной монархіи «божьей милостью» и феодальнаго порядка, и нашей Россіи, гдѣ первая все еще царитъ, а крѣпостное право еще помнятъ наши отцы. Мало того: если въ политическомъ и соціальномъ строѣ Россіи и произошли разнаго рода смягченія, то это зависѣло не только отъ потребностей ея экономическаго развитія, но и отъ того, что въ ней съ начала XIX-го вѣка создалось революціонное движеніе во имя освободительныхъ идей,

служившихъ прямымъ отраженіемъ идейныхъ вѣяній и революціонныхъ движеній Западной Европы, особенно Франціи. Рядъ французскихъ революцій, начиная съ Великой революціи, не только сдѣлалъ изъ Франціи громадную лабораторію общественной мысли, но и вызвалъ соотвѣтственный и неизбѣжный прогрессъ и въ другихъ странахъ. Нельзя отрицать наличность извѣстной политической эволюціи, нельзя ставить знакъ равенства между всѣми формами политическаго гнета на томъ основаніи, что мы хотимъ уничтоженія всякаго гнета. Въ области экономическихъ отношеній, напримѣръ, когда мы говоримъ, что наемный рабочій — тотъ же рабъ, изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что между рабствомъ и наемнымъ трудомъ нѣтъ никакой разницы, или что уничтоженіе крѣпостного права не было громаднымъ шагомъ впередъ. Здѣсь даже никакихъ споровъ быть не можетъ: стоитъ только спросить у самаго несчастнаго рабочаго, у самаго голодающаго русскаго крестьянина, согласенъ ли онъ снова сдѣлаться крѣпостнымъ?

Это не значитъ, конечно, что мы восхищаемся демократическимъ строемъ или «свободою» современнаго рабочаго. Въ какой-нибудь демократической республикѣ нашихъ дней люди не меньше страдаютъ, не меньше возмущаются, не меньше борятся; но лучше уже то, что они тамъ стали гораздо чувствительнѣе къ притѣсненію, гораздо нетерпимѣе: для нихъ невыносимо то, что для насъ — вполнѣ привычно. А въ сущности вѣдь въ этомъ и состоитъ прогрессъ. Наши потомки, можетъ быть, субъективно не будутъ чувствовать себя счастливѣе, чѣмъ мы, но ихъ несчастья будутъ иного рода. Они, можетъ быть, будутъ не меньше страдать и бороться за тѣ или иные научные, философскіе, эстетическіе, нравственные взгляды, но имъ будетъ непонятно существованіе человѣка голоднаго, человѣка, лишеннаго того, что для нихъ будетъ казаться общимъ достояніемъ, какъ для насъ воздухъ. Они будутъ, можетъ быть, страстно отстаивать свою умственную и нравственную индивидуальность отъ давленія установившихся традицій и общественнаго мнѣ-

нія, но принужденіе государственное, господство грубой силы отойдетъ для нихъ въ область прошлаго.

И въ области соціальной, и въ области политической, сумма свободы въ человѣчествѣ и потребность его въ свободѣ увеличиваются. Ставя себѣ цѣлью полное освобожденіе, какъ экономическое коммунизмъ), такъ и политическое (безгосударственное общество), мы идемъ въ согласіи съ этою общею эволюціею. Мало того: уже тотъ фактъ, что такая задача поставлена нашимъ временемъ и что соотвѣтственное общественное міровоззрѣніе на нашихъ глазахъ все больше и больше проникаетъ въ умы,—уже одно это показываетъ, что осуществленіе нашего идеала неизбѣжно наступитъ. «Человѣчество ставитъ себѣ только разрѣшимыя задачи», потому что самая задача ставится только тогда, когда для ея разрѣшенія уже накопились необходимыя условія. Надъ этою мыслью Маркса, *) отъ которой не отказался бы ни одинъ изъ насъ, такъ называемыхъ утопистовъ, слѣдовало бы подумать нашимъ трезвымъ соціальдемократамъ, съ такою увѣренностью рѣшающимъ вопросы «достижимости», необходимыхъ стадій и т. д.

То, что было сказано выше о значеніи политической освободительной борьбы, въ сущности—ничто иное, какъ перенесеніе въ политическую область тѣхъ принциповъ, которыми постоянно руководствуются въ своей дѣятельности всѣ анархисты, участвующіе въ экономической рабочей борьбѣ. И здѣсь передъ нами всегда стоитъ опредѣленная цѣль: экономическая революція, коммунистическій строй; эта цѣль—едина и не размѣнивается на рядъ расположенныхъ во времени, частичныхъ цѣлей, которыя составляли бы программу-минимумъ и достигались бы одна за другою. Но мы не руководимъ всѣмъ рабочимъ движеніемъ, мы безсильны направить его все, цѣликомъ, сейчасъ же, на революцію во имя нашего идеала. Вокругъ насъ рабочіе борятся за свои болѣе мелкія

*) Изъ предисловія къ «Критикѣ политической экономіи».

ежедневныя требованія: сокращеніе рабочаго дня, увеличеніе платы, улучшеніе условій труда и т. д. Что же дѣлать анархисту? Если онъ — рабочій, слѣдовательно человѣкъ, самъ заинтересованный въ борьбѣ съ хозяевами, а такихъ большинство среди нашихъ товарищей, то вопросъ ставить почти излишне, потому что его участія въ борьбѣ—забастовкѣ, демонстраціи, бойкотѣ и т. д.—требуетъ простая солидарность, помимо всякихъ программныхъ соображеній. Но эти проявленія рабочаго движенія имѣютъ для него еще и другое, гораздо болѣе важное значеніе; онъ поддерживаетъ ихъ не только какъ солидарностью связанный товарищъ, но и какъ работникъ революціоннаго дѣла, даже если ему самому и не приходится по своему положенію во что бы то ни стало участвовать въ нихъ. А почему? Не потому, конечно, чтобы онъ думалъ, что съ 8-и часовымъ рабочимъ днемъ кончится капталистическая эксплуатація, или что каждая данная стачка непремѣнно превратится въ соціальную революцію. Нѣтъ, вся эта борьба, помимо связывающаго всѣхъ рабочихъ чувства солидарности, важна для анархиста потому, что она — единственный путь къ окончательному освобожденію. Это—первыя бунтовскія проявленія рабочаго протеста, первые шаги къ революціонному измѣненію условій труда. Рабочій, не способный на нихъ, тѣмъ болѣе не будетъ способенъ на революцію, потому что привычка къ подчиненію и забитость сразу не сбрасываются. Въ лучшемъ случаѣ, онъ пойдетъ за вожаками, какъ орудіе въ чужихъ рукахъ. А между тѣмъ для насъ существенно важно именно, чтобы рабочіе ни за кѣмъ не шли, а взяли бы сами на себя строительство будущаго. Но для этого нужно упражненіе и мысли и воли, нужно то, что одинъ изъ главныхъ дѣятелей французскаго синдикалистскаго движенія назвалъ (къ великому ужасу не только буржуазной печати, но и соціаль-демократовъ) «революціонною гимнастикою». Борьба рабочихъ за частныя требованія имѣетъ именно такое, воспитательное значеніе; и именно постольку, поскольку она имѣетъ его, она важна

для насъ. Важны не фактическіе результаты (которые бываютъ, большею частью, въ смыслѣ матеріальномъ ничтожны), а важно умственное и нравственное отраженіе борьбы на самихъ борящихся. И роль анархистовъ, участвующихъ въ этой борьбѣ, всегда и вездѣ состояла и состоитъ въ томъ, чтобы придать ей maximum этого воспитательнаго значенія, стараясь ввести въ нее тѣ пріемы, которые больше всего способны развивать въ массахъ самодѣятельность и духъ протеста. Потому-то и симпатично намъ движеніе революціоннаго синдикализма, съ его враждебнымъ отношеніемъ ко всякимъ примирительнымъ мѣрамъ въ родѣ обращенія къ законодательной власти, посредничеству, «коллективнымъ договорамъ», и проч. и проч., и съ его стремленіемъ замѣнить все это прямою борьбою, захватнымъ порядкомъ, «непосредственнымъ дѣйствіемъ».

То же самое и въ области политической: и здѣсь, какъ и тамъ, для насъ важны не непосредственные результаты, не тотъ компромиссъ, на который, подъ напоромъ силы, пойдутъ господствующіе классы. Важенъ тотъ путь, которымъ развивается эта сила. А путь этотъ — одинъ: постоянная борьба, лозунги которой подсказываются потребностями массы и суммою всѣхъ живущихъ въ данную минуту въ ней идей. Эти требованія выставлены не нами; но въ борьбѣ за нихъ, если только она ведется прямымъ революціоннымъ путемъ, крѣпнетъ та сила, которая впослѣдствіи выступитъ за наши требованія, когда ихъ выдвинетъ на первый планъ развитіе самой жизни и упорныя усилія нашихъ борцовъ.

Типографія Листковъ „Хлѣбъ и Воля“
163 Jubilee street, Mile End, London E.

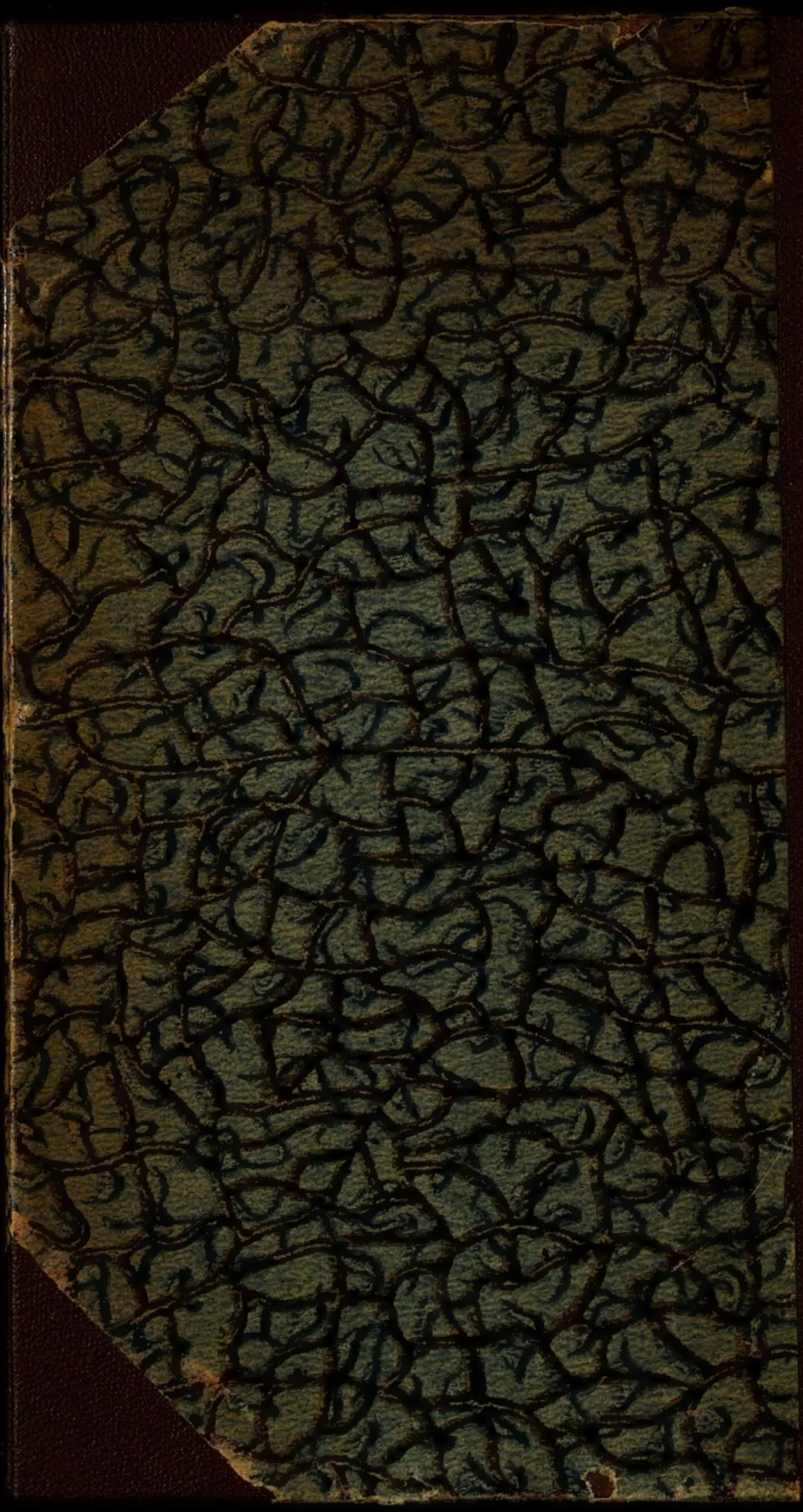
Библиотека ИМЭЛ

НАШИ ИЗДАНІЯ:

	ЦѢНА ш.	п.
Русская Революція и Анархизмъ (сборникъ статей подъ редакціей П. Кропоткина).		3
Парижская Коммуна. П. Кропоткина.		2
О Рабочихъ Союзахъ. К. Оргеіани.		2½
Революціонный Синдикализмъ и Анархизмъ. М. Изидина.		2½
Нравственныя Начала Анархизма. П. Кропоткина.		3
Анархія. П. Кропоткина.		2
Борьба съ Капиталомъ и Властью. М. Корнъ.		1½
Государство, его роль въ исторіи. П. Кропоткина.		6
Парижская Коммуна. Ж. Герцига.		2
Современная Наука и Анархизмъ. П. Кропоткина.		4
Хлѣбъ и Воля. П. Кропоткина.	1	0
Доктрины Марксизма. В. Черкезова.		5
Анархія, ея философія, ея идеалъ. П. Кропоткина.		3
Какъ и изъ чего развился революціонный синдикализмъ. К. Оргеіани.		10
Комплектъ газеты «Хлѣбъ и Воля» (24 номера).	4	0
Комплектъ газ. «Листки Хл. и Воля» (18 ном.).	3	6

Заказы, корреспонденціи и деньги просятъ присылать по одному изъ слѣдующихъ адресовъ:

A. Schapiro, 163, Jubilee Street, LONDON E.
Rédaction "Les Temps Nouveaux", rue Broca, 4, PARIS.

Цѣна: 1½ пенса, 15 сантимовъ, 4 септа

Выписывающіе болѣе 10-и экземпляровъ, получаютъ 30 проц. уступки.